

УДК 82.0 (470)
ББК 83.3 (2=Рус) 5
К 64
И.И. Кондрашова

Л. Толстой и М. Горький: путь к «новому реализму»

(Рецензирована)

Аннотация:

В статье раскрыта сложная и многогранная концепция народности литературы, разработанная Львом Толстым в некоторых его исследованиях конца XIX – начала XX вв. Предпринимается попытка разобраться в существе вопроса, проанализировать воззрения писателя на актуальные проблемы социальной и духовной жизни российского народа, выявить новые, обусловленные «состоянием эпохи», особенности реализма. Толстовские идеи в статье рассматриваются в контексте духовно-нравственных ориентиров М. Горького.

Ключевые слова:

Идеология, художественный метод, реализм, народ, устное творчество, концепция.

Конец XIX – начало XX веков явился сложнейшим периодом зарождения и формирования новых принципов художественного творчества, нового художественного метода, теоретически вобравшего в себя возможности реализма на протяжении всего его развития, а позже ставшего основой нового типа реализма – социалистического.

Новая политико-социальная идеология в лице В. Ленина и его соратников отодвинули Л. Толстого в понимании проблем литературы и революции на задний план, выдвинув М. Горького на первый. По объективным обстоятельствам нет смысла противопоставлять этих двух выдающихся художников, даже на предмет их отношения к данному вопросу – в конечном итоге их взгляды оказались если не тождественными, то чрезвычайно близкими. Можно поразмышлять, почему в советский период было отдано предпочтение М. Горькому в формировании идеи пролетарского (рабочего) писателя: Горький не был дворянином, прошел Россию с босяками вдоль и поперек, филигранно освоил и сформулировал бунтарские, свободолюбивые идеи в громких, броских выражениях (знаменитые его песни), а *граф* Лев Толстой сидел в тихой Ясной Поляне и провидчески анализировал сложности и противоречия русской революции в противостоянии народа правительству, и, приветствуя стремление народа к свободе, справедливости, сомневаясь в их возможности в скором будущем Рос-

сии, о том, что столкновения могут завершиться небывалым кровопролитием. Общегуманистической концепции революции, прозвучавшей в статьях и некоторых рассказах Л. Толстого накануне революции 1905 года и после нее, не хотели понимать или не понимали ортодоксальные марксисты и их литературные критики, противоречия во взглядах писателя видели только в противоречиях социально-политических представлений патриархально «архисложного» сознания русского крестьянства.

Посмотрим на отношение Л.Н. Толстого к литературе как средству выражения отношения к «состоянию умов» эпохи, тех процессов, которые происходят в нашем постсоветском обществе. Воззрениям Л.Н. Толстого на искусство и литературу была дана не одна, но часто во многом схожая оценка, вроде: «Сильная сторона взглядов Толстого на «заразительность» искусства обусловлена тем, что никогда не противопоставлял он личность художника – обществу, народу. В том, что мысли и чувства подавляющего большинства человечества – народа, справедливо видел Толстой одну из главнейших задач искусства» [1, 22]. Однако автор высказывания в силу существовавших идеологических традиций, сложившихся в отношении к Л. Толстому в статьях В. Ленина, не в состоянии была оценить воззрения великого художника на сущностные качества народа, народного искусства. Резюмируя, Л.Д. Опульская отмечает: «противопоставляя искусство «господ-

ское» и «народное», Толстой, в силу ограниченности своего мировоззрения, не мог прийти к мысли о существовании двух культур в буржуазном обществе. В искусстве, воодушевляемом передовыми идеями времени, он не видел силы, противостоящей «господской» идеологии. Именно поэтому он не мог осознать исторического значения пролетарской литературы, возглавлявшейся М. Горьким» [2, 14]. Литературоведческая наука советского периода не смогла перешагнуть барьер оценок В. Ленина: с одной стороны, признание за Л. Толстым славы великого художника, объективно выразившего якобы консерватизм русского крестьянства, и в этом его величие, с другой – «юродствующий во Христе». Прочитируем В. Ленина: «... противоречия во взглядах и учениях Толстого не случайность, а выражение тех противоречивых условий, в которые поставлена была русская жизнь последней трети XIX века. Патриархальная деревня, вчера только освободившаяся от крепостного права, отдана была буквально на поток и ограбление капиталу и фиску. Старые устои, действительно державшиеся в течение веков, пошли на слом с необыкновенной быстротой. И противоречия во взглядах Толстого надо оценивать не с точки зрения современного рабочего движения и современного социализма (такая оценка, разумеется, необходима, но она недостаточна), а с точки зрения того протеста против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеливания масс, который должен быть патриархальной русской деревней» [3, 22]. В.И. Ленин ценил Л.Н. Толстого за то, что он «выражает как раз особенности нашей революции, как крестьянской буржуазной революции», что Толстой – «действительно зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции» [3, 20].

Учение К. Маркса и Ф. Энгельса, в частности идеи «Капитала», базировались на анализе европейского капитализма и европейского рабочего движения, которые насчитывали не одно десятилетие, – перенос их на русскую почву и истолкование русского революционного движения на основе теоретических и практических наблюдений европейских авторов означало не что иное, как сознательное или бессознательное игнорирование российских особенностей социального развития, то есть не учитыва-

ется то, что Россия представляет собой прежде всего *крестьянское государство*. Большевики не поняли или не захотели понять «крестьянской» сущности России и повели народ на необдуманную, никому ненужную войну, в которой народ (в основном состоящий из крестьян) неминуемо потерпит поражение, тем самым приобретя так необходимый им опыт. Этот опыт не был учтён в 1917 году. Несмотря на первую мировую войну, Россия в это время была мощным крестьянским (аграрным) государством, политические и социальные интересы которого шли вразрез с классической теорией К. Маркса о борьбе классов и победе пролетарской революции. Нельзя было вести народ на братоубийственную войну, нужно было искать более приемлемые для России пути социально-политического обновления жизни. То, о чем говорил Л. Толстой в преддверии XX века, было осознано М. Горьким («Несвоевременные мысли»), И. Буниным («Окаянные дни»), З. Гиппиус, М. Пришвиным и другими русскими писателями только в период октябрьской пролетарской революции.

Однако на фоне сложных воззрений Л. Толстой хорошо понимал необходимость «переворота», но не осознавал, в чем заключается его функциональное значение. Первое, что было отвергнуто Л. Толстым, – это мысль о бесполезном искусстве, мысль об искусстве как предмете изящном, созданном для услады слуха и чувства. Второе, что вызвало резкую критику писателя, состояло в отрицании им идеи искусства для богатых и ученых (так называемая «элитарность»). На основе этих положений Л. Толстой сформулировал идею об искусстве для всех, для народа, об искусстве и литературе, которые будут служить прогрессу и процветанию всей нации на основе справедливости, равенства, свободы.

Идеи об общественном устройстве России Л. Толстого близки взглядам М. Горького и тех писателей, которых впоследствии назовут в отечественном литературоведении «пролетарскими», или народно-патриотическими. Конец XIX века, начало XX-го совпали с периодом, когда в России в результате активной пропаганды марксистской революционной идеологии возникла РСДРП (1898), призывавшая «народ к топору», чтобы насильственным путем установить власть пролетариата. Л. Толстой не мог

согласиться с тем, что народ должен добиваться власти путем кровопролития. Читаем: «Борьба правительства и революционеров воспринимается писателем в самом начале века как борьба двух систем насилия, одинаково опирающихся в своих действиях на ложные представления о своем народе (чуждые его истинным интересам), хотя Толстым и признается гуманистическое начало, лежащее, по его мысли, в основе воззрений деятелей революции» [4, 152]. Общественное мнение накануне перестройки с ее идеей гласности ощутило необходимость пересмотра отношения к взглядам на революцию русских классиков, в том числе и Л.Н. Толстого, и В.Г. Короленко, и многих других.

Писатель понимал, что предложенные революционными демократами действия с целью изменения общественного устройства могут быть чрезвычайно жесткими – это было не приемлемо для него в любых обстоятельствах. Перемены, предлагаемые писателем-мыслителем российскому обществу, основывались не на уничтожении друг друга, они носили характер общенационального компромисса, в ином случае это могло обернуться великой национальной катастрофой.

Г. Галаган написал довольно прозрачную по отношению к сформулированным нами тезисам статью «Л. Толстой 1900-х годов и роман М. Горького «Мать»». Автор статьи осторожно ставит рядом, даже не рядом, неподалеку друг от друга роман «Мать» и публицистику, художественное творчество Л. Толстого периода создания горьковского романа и дает читателю понять, что многие взгляды писателей чрезвычайно близки, но в то же самое время они поразительно противоположны в итоговых идеях. «Судя по воспоминаниям Куминской, – пишет автор статьи, – Толстой невысоко оценил роман Горького, но, тем не менее, именно с этим романом оказалась связана попытка Толстого рассказать о пути к революционерам молодого крестьянина» [4, 155]. Л. Толстой, размышляя о судьбе крестьянина, называет его «рабом», беспрекословно выполняющим волю правительства. Писателю не мог понравиться приподнято-торжественный пафос М. Горького, хотя, как отмечает Г. Галаган, «в изображении нового пласта жизни» Л. Толстой признал «заслугу М. Горького» [5, 154]. К тому времени Л. Тол-

стой пишет несколько рассказов и статей: «Кто убийца?», «Алеша Горшок», «Единое на потребу», «Где выход?», «К рабочему народу», «Об общем движении в России», – где писатель пытается разобраться в психологии русского крестьянина и степени его готовности бороться за выход «из рабства». «Революция – это роды: духовное сознание пробуждается, новые взгляды рождаются и зреют... Революционеры правы в том, что требуют перемены, и ошибаются в том, как менять старое и на что» [6, 155]. Писатель не мог не задумываться о том, что принесут с собой «новые люди», которые «симпатичны на словах», в поступках жестоки, карьеристы, себялюбцы, но самое главное – каким образом они установят власть «рабов». Л. Толстой не был сторонником радикальных, силовых решений социальных проблем. Писатель пытается предостеречь от ошибок «новых революционеров», показывая, что деревенский парень нечто иное («Кто убийца?»), нежели Павел Власов, который с помощью революционных книжек усвоил «сущность классовой борьбы» и пошел в бой. Павел Кудряш («Кто убийца?») «следовал тому, что вытекало из «общего деревенского склада жизни». Он помнил о душе и боге и связывал с этим хождение в церковь, чтение молитв и помощь ближнему» [6, 155]. Для него необходима другая «революция», революция с человеческим лицом, которая была бы способна обогатить христианские ценности, идею соборности. В предисловии к роману А.И. Эртеля «Гарденины...» Л.Н. Толстой с особой признательностью говорит о необыкновенности языка писателя: «Такого языка не найдешь ни у старых, ни у новых писателей. Мало того, что народный язык его верен, силен, красив, он бесконечно разнообразен. Старик дворовый говорит одним языком, мастеровой другим, молодой парень третьим, бабы четвертым, девки опять иным... я думаю, что у Эртеля количество ... народных слов было бы самое большое из всех русских писателей, да еще каких, верных, хороших, сильных, нигде, кроме как в народе, неупотребляемых слов» [7, 587]. В этом почти поэтическом высказывании чувствуется не просто восхищение талантом А. Эртеля, услышавшего необыкновенно богатую и яркую народную речь, которой он не «хочет щегольнуть, удивить», но восхищение самим народом, его талантом, силой духа, ве-

ликой культурой общения с миром: «видишь не только слабости народа, да и все те, превосходящие в бесчисленное число раз эти слабости, его достоинства, главное – его нетронутую и до сих пор не революционную, а религиозную силу, на которую одну можно теперь в России возлагать свои надежды» [7, 558]. Писатель совершенно четко выражает в предисловии и во многих других произведениях мысль о пути освобождения народа, та же проблема интересовала М. Горького в романе «Мать». Л. Толстому роман «Мать» не мог понравиться и по стилю («фальшиво» произносил он не раз при его публичном чтении), но более всего из-за его откровенного призыва к «насильственным переменам». Писатель-мыслитель понимал, что такие перемены будут, и не переставал верить в дух и силу народа. В письме к В.Г. Короленко по поводу его статьи о смертной казни «Бытовое явление» (опубликована в ж. «Русское богатство», 1910, № 3) Л.Н. Толстой пишет о духовном богатстве: «Радует одно, что такая статья, как ваша, объединяет многих живых, неразвращенных людей одним общим идеалом добра и правды, который, чтобы ни делали враги его, разгорается все ярче и ярче» [7, 608]. Все, что не было близко «общему идеалу добра и правды», вызывало у писателя недовольство: 13 января 1919 года Л. Толстой пишет в дневнике: «Взял ... Горького. Читал (рассказы – И.К.). Очень плохо. Но главное, нехорошо, что мне эта ложная оценка неприятна. Надо в нем видеть одно хорошее» [7, 614]. Подобное отношение к произведениям М. Горького подтверждает мысль о том, что в решении вопроса о «переменах» у писателей разные подходы и различное понимание проблемы, хотя Л. Толстой симпатизировал М. Горькому, более

всего за «чистоту и ясность ума» и в думах о революции. Формула «спор Горького с Толстым за Толстого» (очерк о Л. Толстом) не вскрывает всего спектра сложности взаимоотношений двух творческих личностей. В частности, роман «Мать» явился показательным в расхождении Л. Толстого и М. Горького по важным вопросам русской революции. Л. Толстой упорно и последовательно говорил об освобождении русского крестьянства от рабства и способах его достижения почти 25 последних лет своей жизни, М. Горький осознал эту проблему в «Исповеди» (1908), но пришел только ко времени создания газеты «Новая жизнь» (1917) и публикации в ней до июня 1918 года «Несвоевременных мыслей».

Хотя к новому герою и к «иному реализму» М. Горький и Л. Толстой шли разными путями: один – интенсивного накопления идей и сил для свершения «насильственных» перемен, другой – путем духовного и нравственного совершенствования личности и общества, но подобную литературу можно было создать только в случае, если писатель находился на уровне «высокого для своего времени мировоззрения» (Л. Толстой).

Примечания:

1. Опульская Л.Д. Литературно-эстетические взгляды Л.Н. Толстого // Л.Н. Толстой о литературе. – М., 1955.
2. Там же.
3. Ленин В.И. О Л.Н. Толстом. – М., 1969.
4. Русская литература. 1983. №1.
5. Там же.
6. Цитирую по указанной статье Г. Галагана.
7. Толстой Л. О литературе. М., 1955.